

Анна Михалевская

Хлеб Соломии

1.

Серп захватывает сухие стебли, срезает колоски. Соломия отбрасывает пучок пшеницы, берется за следующий. Саднят руки, ломит спина, перед глазами рябит – от золота колосьев, от палящего июльского солнца, от его бликов на серпе. Сорвавшийся теплый ветер не приносит облегчения – он бросает в лицо сухую землю, на зубах хрустят крупинки. Соломия тыльной стороной руки вытирает лоб, разгибается, с сожалением смотрит на волнующиеся под ветром колосья. Сейчас они кажутся живыми. Она оборачивается, встречается с тяжелым взглядом проверяющего, вздыхает и снова берется за серп.

Из центра шлют и шлют своих людей, так боятся, что их маленькое село разворует весь государственный хлеб. Теперь у них надзирателей больше, чем женщин в поле. А врагов народа больше, чем этого самого народа. Что ни день, ловят на поле да и ведут к сельской раде. Якобы на суд, но все знают, что это за суд. Односельчан сажают на машины и увозят. В тюрьму, на целину, до чертов, бисов, дьяволов?

Впереди еще полдня колхозной работы, а завтра с рассветом – обрабатывать свою делянку. С нее и кормятся. Только год этот худой, неурожайный: зима без снега, засуха весной и летом, погибла почти вся озимина – пшеница и рожь. Если разрешали, они выкапывали на полях мерзлую картошку, свеклу, к почти иссякшим запасам муки домешивали подсолнечную макуху, когда пекли хлеб. А то и варили кору деревьев, кожуру от картошки. Но Соломия не хочет больше думать о голоде, потерянном хлебе,

о сельраде и машинах. Чтобы не привлечь внимание партийных крыс, она еле слышно напевает:

Живо, женчики, живо,
Дожинайте ниву,
Будемо плести віночки
З золотої пшенички.*

Знакомые слова придают силу и все громче звучат внутри многоголосым хором, оживляя воспоминания.

Вот маленькую Соломийку берут на жатву. Первый сноп – для боженьки, его не косят, оставляют на поле, только колоски надламывают, выминают из них зерно, сеют между корнями и приговаривают: «Роди, Боже, на всякого долю – і на бідного, і на багатого!». Батько называет этот сноп Божьей бородой и говорит, что там живут птички, перепелочки. Соломийка смеется: птички в бороде! Осторожно прикасается к надломленным колоскам. Батько перевязывает сноп червонной стричкой, украшает гроздьями калины, ромашками и васильками. Потом сноп все-таки срежут, оденут, как ляльку, и поставят в красном углу под образами... Соломийка смотрит на поле, и ей кажется, что у него нет хозяина. Колоски заботятся о них, кормят, но разве поле может кому-то принадлежать?

Перепілонька сіра,
Де ж ти будеш сиділа?
Вже немає пшениці,
Бо кінець косовиці.

Батькам, Прокопу и Докии, дают отруб – участок земли на опушке леса. В низине течет ручей. Рядом – пшеничное поле с васильками и маками. Хату строят быстро, всей семьей – дядьки Данила, Микита, Коля, титки Ирина и Варвара. Детям тоже находится что делать: Соломийка малюет квитки под окнами хаты. «Краще намалюєш, щасливіше життя буде!» – говорит мама Докия. И Соломийка старается. Руки мерзнут, в жовтне солнце

* Песня жнецов, которую начинала петь старшая жница перед сбором урожая.

быстро садится. Рядом крутится Павло, сын умершей в испанку титки Югены, теперь он будет жить с ними. Павло сметливый, рвется всем помогать. Вот и сейчас придумывает, из чего бы новую краску сделать, – все квитки в поле уже оборвал...

Скоро начнут готовиться к зиме, думает Соломийка. Утепляют хату – свяжут стебли кукурузы, обложат мазанку по кругу. Но до этого надо еще столько сделать – и матрасы набить, и феранки-занавески пошить, и палатары по стенам развесить!

А вообще Соломийка любит лето. Тогда у детей особая работа – можно пропадать в яру, хоть там и полно жаливы. В яру, в заполненных водой ямах-копанках, дети отмачивают стебли конопли, когда батьки заняты в поле. Потом коноплю отвезут на подводах домой, положат снопы на станок и будут молотить, пока стебли не станут мягкими, как нитки. Получится прядиво. Его наматывают на куделю, деревянную палку, которую вставляют в отверстие в лавке, и вьюжными зимними вечерами девушки возьмутся прясть. Потом ткать. Из конопли получают красивые и прочные сорочки! Мать говорит, что каждая девушка должна соткать палатары из шерсти и вышить рушник – на приданое. Соломийка отмахивается, мол, далеко еще до приданого. Летом они с Павлом понесут сотканное полотно к ручью, разложат на траве и будут поливать его целый день. Ждать, пока высохнет, снова поливать. Солнце отбелит ткань, сорочки и рушники выйдут нарядными!..

Ми пшениченьку зжали,
В снопики пов'язали,
В кіпоньки поскладали,
Хороше заспівали.

В эту неделю Соломия надела тернову хустку – праздничный платок невесты. В резной сундук-шлябан с витыми ручками сложили ее приданое – и вышитый рушник с палатарами тоже. Она возилась все лето – толкла ягоды, варила кору дуба и бурак, настаивала цветы на краски; в настойках вымачивала шерстяную нитку, высушивала, и лишь потом ткала. Работа ей в радость. Соломии нравится, когда опрятно и красиво, из-под ее пальцев выходят дивные узоры, пивни и квитки на орнаментах как жи-

вые! Все потому, что ее сердце поет. Она думает о Леонтии, вспоминает, как он пришел ряженный на Ивана Купала в их дом, как подарил ей украшенную ягодами ветку и крынку меда. Его глаза – теплые, лукавые – подсвечивало солнце, и они тоже казались медовыми, сладкими.

А теперь Леонтий ее муж – высокий и статный, он так похож на батька... И ни один не хочет уступать другому. Соломия помнит перебранку их взглядов на весилли, но пока Докия рядом, мужчины не решаются на открытую вражду. Вот Павло – и тот батька не выдержал, давно из дома ушел, свою хату построил, женился.

От діждали літа
Та нажали жита,
Поставили в копки
І вдарили в гопки!*

На Соломии нарядная сорочка, из-под легкого жилета-летника видна вышивка на воротнике, такая же и на рукавах, внизу мыса – квиточка. Она собирает Леонтия в поле, заворачивает в тряпицу брынзу, дает краюху хлеба. Улыбается, пытаюсь взбодрить хмурого мужа. Свара идет за сварой, с батьком все никак не поладят. «Ледачий твій Левонтий, та хоч бы ласкавий був, а не приголубить тебе, слова доброго не скаже», – твердит в усы Прокоп. Но Соломия верит, что все уладится, что красота сильнее злобы. И, когда улучает время, вышивает мужу рубахи, пусть они уберегут его... их...

Відчиняй, пане, ворота,
Бо йде твоя робота.
Несем тобі вінки
Із золотої нивки –
Житнії, пшеничні,
Щоб були величні!**

---

* Эти слова говорила самая красивая девушка, на которую после жатвы надевали венки, сплетенный из Божьей бороды.

** Песня жнецов, когда подходили к дому хозяина поля или головы колхоза.

Не уберегли. В люльке угукает дочурка Франя, Соломия угукает вместе с ней – плачет. Ушел ее Леонтий. Разбилась крынка, вытек весь мед. Зато батько Прокоп спокойный и довольный, видать, не обошлось без его способствования.

А ми насієм жита, жита,
Та поставим копи, копи,
Та ударим гопи, гопи,
Земля аж гуде,
Де громада йде!*

За работой горевать некогда. Подрастает Франя, ее квиточка, ее радость. У доньки такая же светлая тяжелая коса, как у Соломии, те же глаза – точно васильки в поле за хатой. К ним часто заходит Герасим, сосед, он тоже получил делянку у леса, живет с матерью, титкой Грушей, и двумя младшими братьями. Но приходит Герасим не к Соломии, а к батьке Прокопу – когда колодец поможет выкопать, когда крышу перестелет, когда плуг починит. Соломия на него не смотрит, но Франя бежит к Герасиму, только завидит. Герасим подхватывает доньку, сажает на гергоши и спускается к ручью. Франя визжит от радости, Герасим смеется. Соломия впервые замечает, какой у него зычный голос. Сильный, надежный. В следующий раз Герасим приносит халву, угощает Франю, та с жадностью ест. Откуда он достал это лакомство, гадает Соломия, в селе дети сами «халву» к праздникам делают – толкут в макотре орехи и сахар.

Соломия приглядывается к Герасиму. Не такая стать, как была у Леонтия, не бросает он из-под соболиных бровей долгих взглядов, не любит много говорить. Но всегда рядом крутится и Прокопу по душе пришелся. А уж Франька как ему радуется – возьмет за руку и не отпустит, до чего дошло: тот у нее, малой, в кузню отпрашивается! Соломия смеется в хусточку и уводит непослушную доньку. Она нет-нет и улыбнется Герасиму. И тот топчется на пороге, не может уйти.

Сыграли скромную свадьбу и зажили душа в душу. Родилась вторая дочь, Любочка. А через три года грянула война. Прокопа

* Песня жнецов, когда хозяин принимал венок от девушки и приглашал в дом.

не взяли, но все молодые из семьи ушли: сыны титки Варвары, Нюсик, Степан и Тодосий, младший дядько Коля, ее ровесник, сын Микиты, Гаврюша, чоловик Ирины, дядько Сеня... Ушел и Леонтий, которого так не любил батько. А Герасим остался. Неправильно это было, но Соломии уже не до правды. Красивый рушник не спасет от голода, как ты его ни вышей, как ни выбели. У нее маленькая дочь и старые батьки, а Герасим мастеровой и добрый. Титка Ирина привозит двухлетнюю дочурку из Одессы, и Герасим играет с дивчатами – Аллочкой, Франей и Любой – поднимает повыше на руках к отяжелевшим от ягод вишневым веткам.

Зимой в Студеную приходят немцы. Женщин и детей не трогают – разместились по хатам, какие побогаче, да и собирают дань со дворов. Мужчины у них в прислужниках – то на подводе отвезти куда-то, то доставить припасы, то депешу, то убрать, то почистить. Сметливого Герасима замечают сразу. День он бегаёт по поручениям фрицев, а к вечеру приходит с пайком и теплой одеждой. Соломия щупает жакет – теплый, мягкий, из шерстяного сукна, у нее никогда такого не было. Она делит немецкую консерву на всех – и родня молча ест ужин. Соломия пытается себя уговорить – все хорошо, война закончится, у нее заботливый муж, подрастают дочери – кудрявые, голубоглазые. Батько Проккоп подобрел. Все хорошо да нехорошо. В лесу пережидают партизаны и не сегодня-завтра Герасима найдут. Да и станут ли немцы жалеть своих прислужников, когда снимутся с зимовки? Леонтий ушел, а Герасим остался... Она просыпается, думая об этом, и с этими же мыслями засыпает. Каждый раз, когда Герасим подолгу не возвращается, Соломия прощается с ним по-вдовьи, навсегда.

Страх живет с ней бок о бок до самого дня Победы. Они молча выслушивают новости от односельчан, и Герасим улыбается ей последний раз. Вымученно, словно прося прощения. Не сегодня-завтра, понимает Соломия, и на всякий случай отсылает девочек к титке Варваре. Красная армия наступает, и по селам прокатывается волна показательных казней предателей. Она хочет сказать Герасиму, что тот должен уйти, бежать, прятаться, но у нее будто нет рта – забыли нарисовать на сделанной наспех ляльке. Герасим все понимает сам. Но никауда не уйдет.

Вечером мужа долго нет. Соломия сидит под окном на лавке, пока не стемнеет. Ждет. Вместо Герасима приходит Прокоп. Первый раз она видит, как батько плачет.

– Не ходи туда, – говорит Прокоп и указывает на лес. – Повесился наш Герасим...

Соломия больше не боится. Только навязчивые слова вязнут на зубах: Леонтий ушел, а Герасим остался.

К концу лета односельчанин приносит весть о Леонтии. Под Берлином уже после войны они стояли в соседних лесках. Леонтий прознал, что свояки рядом, и отправился навеститься в часть через поле. Там его и нашла шальная пуля. Насмерть.

Соломия слушает и кивает. Не плачет – не может. Горькая у нее судьба. Другой не будет...

Песни мельчают, иссякают, воспоминания тоже. Два года прошло, что было – былшем поросло. Доньки подросли, Прокоп и Дюкия одряхлели. Немцы ушли, красноармейцы пришли. Война закончилась, но это не имеет никакого значения, ведь потерянного не вернешь.

Обжигающий зной отступает, Соломия вяжет снопы, затягивает перевесла. В руках снова появляется сила, солнце будто расплавилось и потекло по ее жилам, так бывало не раз, когда она думала, что все, сегодня поле не одолеть. Но это ее земля, на ней живут ее дети, ее батьки, в ней похоронены ее любимые! Это ее хлеб! «Не имеете вы права и на колосок!» – думает она, поглядывая из-под платка на своих надзирателей. Разморенные, те жмурятся, снимают кепки, вытирают вспотевшие лбы. Садятся среди снопов. Солнце держит их за чужаков, усмехается Соломия и прячет взгляд.

2.

От колхоза до хаты, если напрямик, через лесок, – всего ничего, но Соломия обходит село по кругу, выбирая дорогу подлиннее. Она перестала бояться лиха для себя, но по-прежнему боится за малых и старых. Не успеет Соломия подойти к тыну, дивчата побегут встречать, как в глаза смотреть? Не принесет она им халвы, как когда-то Герасим, и даже хлеба скоро не испечет. Амбар пустой, молотить нечего. Цеп вон сколько лежит без дела, соло-

мой присыпан. Была корова, молоко пили, так и ту забрали – мол, Соломия колхозную норму не отработывает. Одна с хаты в поле, вздыхает она. Батьки от вечери отказываются, внучкам отдают. И от этого Соломии становится еще горше.

Она идет к ручью – где так часто они гуляли с Герасимом, опускает руки в прохладную воду. «Підкажіть, – просит Соломия ручей, поросшие мхом камни, гай, вербы, – підкажить, що робити?» Но и ручей, и камни, и гай, и вербы молчат. Зато Соломия слышит, как за селом волнуется налитое золотом поле пшеницы – ее хлеб, не колхозный. В этом далеком шорохе ей чудится приглашение. И разрешение.

Переступая порог хаты, Соломия уже знает, как поступит. Она крепко обнимает дивчат и впервые за долгое время улыбается им. Докия и Прокоп читают молитву, стучат ложками по полупустым тарелкам с кашей на дне.

Соломия укладывает девочек, целует и долго смотрит на родные лица – золотистые завитки на висках, длинные светлые ресницы, румянец во всю щеку. Когда-то она верила, что красота пересилит злость, перетянет коромысло. Пусть у них все будет хорошо. Пусть их красота окажется сильнее. Она нехотя выходит из хаты, возится в сарайчике и погребе – наводит порядки. Но сколько ни переставляй кадки с кувшинами, это их не наполнит.

Ночь накрывает село мягким рядном, тихо шелестит яблоня, сладко пахнет розовый куст. В такую ночь сбежать бы в гай и любиться, слушать жаркий шепот, смотреть на зирки. Но Соломия забыла, как любить мужчин. Она сидит на лавке под хатой и ждет. На тонкий месяц набегают облака, он окрашивается кроваво-красным. И Соломия решает – пора. Она расправляет юбку и тихо, чтобы не скрипела, приоткрывает калитку. Оглядывается. Ей чудится – хотя в темени ничего и не разглядишь – что кто-то приподнимает феранку. Соломия замирает на месте. Но нет, в хате тишина.

До колхозного поля она доходит быстро. Слишком быстро. Оглядывается – надзирателей, если они и есть, не видно. Может, разморило после зноя, вот и пьют холодное молоко от ворованных коров в хате сельского головы. А может, и прячутся. Нет, пьют молоко, уговаривает себя Соломия и, пригибаясь, подходит

к полю. На убранном участке лежат колоски – их тоже запрещают подбирать. Лучше пусть сгниют или птицы склюют, так считают надзиратели из столицы. Но колоски она собирать не станет. Все равно покарают одинаково.

Стараясь не спугнуть воронье, Соломия пробирается к копнам. Она специально уложила снопы так, чтобы можно было легко вытащить один из копны и чтобы пропажа не бросалась в глаза. Соломия быстро находит копну, вытягивает сноп, прячет под широкую юбку, закрепляет на поясе. И так же, пригибаясь, бежит на дорогу. Сердце бьется, как застрявшая в колосках перепелочка из песни. Она почти доходит до дома. Оглядывается. Никого. Неужели получилось?!

Соломия спускается к ручью, гладит воду, благодарит. Ее земля – это ее земля. Никто у нее не отберет хлеб!

Сзади раздаются шаги. Соломия оборачивается не сразу. А когда поднимается, понимает, что бежать поздно.

К ней по тропке идет надзиратель. Красивый хлопец – Соломия отстраненно его рассматривает. Красивый, только глаза злые. Он смотрит на нее с ухмылкой, она не отводит глаз. Оба все поняли. Он знает, что она воровка. А она знает, что ее ждет наказание. Хорошо хоть – не донесла сноп до дома, тогда бы и хату не пожалели.

А надзиратель, продолжая ухмыляться, уже расстегивает ремень. Тяжелый, армейский, с большой бляхой.

Соломия качает головой. Ее мужья не для того с жизнью расстались, чтобы какая-то тварь насилвала их вдову. «Что тебе стоит? – говорит страх, тот, который не за себя, за других. – Согласись, авось отпустит». Но Соломия знает цену сделок с совестью. Леонтий ушел, а Герасим остался. Надзиратель ее не отпустит. Она бросает сноп в ручей и что есть мочи кричит.

Удивление на лице красноармейца сменяется гневом. Он оставляет ремень в покое и хватает Соломию за косу:

– Ах ты ж паскуда, – жарко шепчет ей в ухо, – ты ж мне полюбилась, отпустил бы. Что, мне снопа какого-то жалко? А теперь одна тебе дорога...

Соломия не верит ему, не верит себе. Она отчаянно вырывается, только как тут вырвешься?

Рассвет она встречает в сельраде. Ее осуждают на десять лет. Перед тем как посадить в пыльный грузовик, Соломию под конвоем ведут до хаты – собрать вещи, попрощаться. Ей больно смотреть в глаза Прокопу и Докии, ей стыдно перед доньками, но Соломия пересиливает себя и смотрит – когда они еще снова увидятся? Десять лет – это так долго...

Она сжимает подмышкой узел с вещами, смотрит на пыль, клубящуюся из-под колес грузовика, и гадает: вдруг надзиратель сказал правду? Немного потерпеть – ради детей, ради батькив. И ее бы отпустили. И им бы был хлеб. Если и так, решает Соломия, ничего не поделаешь. Горькая у нее судьба. Другой уже не будет.

3.

Я – хлеб. Я – жизнь. Меня взращивает земля – она хранит зерна до срока, пока твердое зерно не становится ростком и не начинает свой путь к солнцу. А люди срезают мои стебли, толкут, снимая всю шелуху и пытаюсь добраться до сердцевинки. Они хотят есть, но питает людей не мука в сдобных калачах и пресных лепешках, питает их земля и солнце, их священный союз, рождающий спелые колосья. Я – хлеб. Я – любовь.

Я очень стар, у меня много имен и лиц. Могу быть одним колосом, всем полем, я могу спрятаться в зерно и дотянуться до Бога. Кострубонько и Ярило, мое зерно – древний страдающий бог, брошенный в землю, погибший там и возродившийся густым колосом. Бог Спас, и жертва ему – Спасова борода, «сриблом-златом обвита, красным шовком обшита», пучок моего несжатого жита, оставленного на поле. Это жито и есть сиротская доля – людская доля. Мои колосья – приют для птиц и полевого духа, превратившегося в козу. Последний сноп моих колосьев – именинник, дидух, дид, его приносят в хату, одевают, как ляльку, и ставят под образами, сберегая целый год, чтобы потом заменить на нового. У меня много имен и лиц. Я – хлеб. Я – жизнь. Я – любовь. И я – смерть ради жизни.

Сейчас я – соломенная лялька, дидух. Вместо головы – колосья и сухоцвет, руки и туловище обмотаны пенькой, в юбку вплетена узором тонкая прочная соломинка. Это Соломиина работа, никто

в семье лучше не украсит квитками хату, не вышьет подол-питочку, не соткет палатары, не пошьет рубаху. У Франи и Любы все в руках спорится – и работают ладно, и живут дружно. Но у Соломии пивни на палатарах вот-вот закукарекают, квитки расцветут, у дивчат же – нитка к нитке, а узор выходит простым. Молчат пивни, застыли квитки. Не те руки, не те глаза, не видят они красоту, что открылась Соломии, не могут ее повторить.

Дидухов меняют каждый год, но я здесь задержался. Людям нынче не до обычаев и поверий, вот и живу под образами в красном углу хаты. Слушаю молитвы, обращенные не ко мне. Я ведь не бог, простая соломенная лялька. Чаще всего сюда прибегает десятилетняя Люба. «Боженька, поверни матусю! – говорит девочка, стоя на коленях. – И прости, що їла в пост ковбасу за грубкою. Я думала, ты не бачиш!» Дед Прокип с Докией совсем глухие стали, им не докричишься. Франя все больше о хлопцах говорит. Любе даже посоветоваться не с кем, вот она и приходит сюда, к своему придуманному богу. «А ще, – вспоминает Люба, – у нашій Чорнушки скоро телята будуть, та... я читати навчилася!» Люба рассказывает все, что приключилось с ней за день, все, что сказала бы маме, будь Соломия рядом.

Франя молится сдержанно. Бога почти ни о чем не просит, больше надеясь на свою смекалку. Только одно она изменить не может и смиренно опускает голову, прежде чем прошептать: «Господи, нехай мама повернеться до мого весілля...». Франя собрана и серьезна. Но стоит ей отойти от красного угла, как хата переворачивается вверх дном от ее бурлящей натуры и зычного голоса. Весь день из открытой двери в сенях несется Франин смех – никого без подковырки не отпустит.

Прокоп приходит редко, долго молчит. Говорит не с богом, с собой. «А що, якби...» – все чаще звучит в его мыслях. И он перебирает в голове события давних лет. Если бы Соломия осталась с Леонтием, если бы Леонтий выжил, если бы Герасим не пошел работать к немцам с его, Прокопа, молчаливого согласия, если бы они не дали уйти Герасиму одному в лес, если бы он остановил Соломию той ночью, он ведь знал, что дочь идет на колхозное поле, или, заслышав крики, отбил бы ее у надзирателя... Слишком много «якби», он путается в них и уходит ни с чем. Почему старость

не дает покоя его голове? Он хотел бы все забыть, сидеть на лавке и смотреть на своих дивчат. Он путает имена и часто зовет то одну, то другую Соломийкою.

Тяжелее всего с Докией. Она вроде бы приходит к образам, а на самом деле – ко мне. Читает краткие весточки от Соломии. Не плачет и не молит, но предлагает угодку. «Забери у мене, віддай їй», – требует Докия и смотрит прямоком в мое соломенное лицо. И Волос, и Ярило, Кострубонько, Илья и Спас, полевые божества всех времен оживают в моих высохших от времени сплетенных рукой Соломии колосках. Боги любят угодки, особенно с людьми. Особенно с теми, кто в отчаянии. И сквозь мое непрочное соломенное нутро рвется божье любопытство, чужие глаза, не мои нарисованные, рассматривают Докию, будто гадая о выкупе: что за нее можно взять? За окнами хаты жаркий полдень висит напряженной тишиной – ни жужжания шмеля, ни шелеста листьев в кронах, ни шагов. Боги качают косматыми головами, цокают языками – прицениваются, думают. И наконец хлопают мосластыми руками по коленям! «Добре, – говорят боги, и сухостой с колосьями, что у меня вместо головы, едва заметно подрагивают, – вернем тебе доньку. Только кто-то потом проживет за нее непрожитое! Сама выберешь, кто!»

Докия слышит их, хоть и не понимает этого. Она стоит, опустив голову, медлит.

Мне хочется крикнуть: «Нет! Не соглашайся, ни за что! Лучше уж сейчас отгоревать!». Я берегу этот дом и его людей не один год, я знаю, как деликатно стучится лихо, когда переступает порог хаты, я научился различать его шаги. До сих пор у меня получилось прогнать его. Докия, зачем ты попросила?! Зачем?!

– Добре, – еле слышно Докия повторяет вслед за богами.

Веточка полыни с моей головы падает в руку Докии – договор скреплен. Она уходит, а я остаюсь. В хате темнеет, она наполняется тяжелым духом. Никто этого не заметит, только я. И ничего не поделаешь. Остается только ждать...

Дни идут за днями, ко мне все так же приходят – молиться и просить – они не знают о том, что в хате живет темнота, и вместе с домашними забываю об этом и я.

На дворе играют свадьбу Франи – на столе пузатые бутылки с вином, тарелки с мясными пирогами, миски с борщом и холодцом.

Прокоп пригласил из Песчанки фотографа, и тот установил какой-то странный ящик на треноге и всех заставляет смотреть в него. Сосед Михайло наигрывает на аккордеоне, молодые пляшут. Шум, гам, одним словом – веселля. Франя смеется и не дает никому сидеть за столом, всех тянет в танец, а кто не может – тем подливает из пузатых бутылей в стаканы и заставляет пить до дна. Сегодня ей особенно горько, что мамы нет рядом, поэтому она должна веселиться в два раза больше, чтобы чем-то перекрыть эту горечь. И Франя хватает Ивана за руку, не ждет, пока жених сам поведет ее, и кружит в танце...

А через два года возвращается Соломия. Вместо десяти лет срока – в тюрьмах и на каторге всего лишь семь. Всего лишь? Соломия так не считает: в ней убили веру, а после этого – что три, что пять, что двадцать лет. Все одно. К прежней жизни ее ничто не вернет.

Когда Соломия снова видит свою хату, она роняет дорожную торбу и без сил опускается в траву. Все родное и одновременно чужое. Это потому что она стала сама себе чужой.

Дивчата бегут встречать ее, как в детстве, – красивые, уже взрослые, но для нее маленькие, какими она запомнила Франю и Любу перед своей семилетней отлучкой. Ее обнимают, целуют, а она невольно отстраняется. Соломии кажется, на ней налипла грязь, что вовек не отмоешь, она не хочет марать ею своих детей...

Столыпинский вагон для заключенных, каждое купе за решеткой. Обыски в тюрьме, стыд и отчаяние, когда шарят по голему телу, – что им там искать? От уборной вонь – и никуда от этого не деться. На окне козырек, вместо домика на опушке леса, бескрайнего поля и ручья – узкая полоска неба. В тесном прогулочном дворе не растет ни одной травинки. Все, к чему Соломия привыкла, пусть заработанное тяжелым трудом, исчезает, будто его и не было. Иногда она думает, что деревья, цветы, ее дочери, батьки, ее любимые привиделись, и она всю жизнь провела, опираясь на мокрый камень с запахом плесени. Она пишет письма, но их не берут. Все чаще Соломии снятся Леонтий и Герасим. Ее зовут! Соломия испытывает странное облегчение. Она ворует чулки у одной из своих сокамерниц, дожидается, пока надзиратель глянет в глазок, и цепляет за балку заранее

приготовленную петлю. Это не самогубство, она всего лишь закончит кем-то начатое. Но внезапно просыпаются жинки, начинают кричать, и охранники волокут ее в карцер – совершенно голую. Карцер – темный высокий чулан, под потолком горит тусклая лампа, все время мигая. Сколько Соломия проводит там времени, она не знает, все сливается в одну бесконечную промозглую ночь. Соломии кажется, что она утопленница и лежит на дне ручья не один век. Она хочет позвать кого-то, но все имена забыты. После карцера Соломия не пишет писем и не просит их отправить. Когда заключенных выводят в баню, открывают двери всех камер, Соломия не смотрит по сторонам. Она боится увидеть лицо и не узнать. Идет, прихрамывая на левую ногу, покашливает. В карцере застудилась.

После трех лет тюрьмы их отправляют на каторгу. В вагоне тесно и грязно, Соломия плачет – сегодня она снова видела небо, деревья, траву. Она не может прийти в себя до самой Колымы – просто дышит воздухом, смотрит по сторонам. Кто она? Что с ней будет? Соломия не знает. Прежняя она сгинула с первым неотправленным письмом, похоронена в карцере. Сейчас ее место занимает кто-то другой. И этот другой еще умеет чему-то радоваться... Не успев распределить заключенных по баракам, ее насилует охранник – не особо прячась, прямо за сарайчиком, под улюлюканье товарищей красноармейцев. Соломия не вырывается и не закрывает глаз. Смотрит в звездное небо и закусывает до крови губу. Горькая у нее судьба, другой уже не будет – приходят слова из чьей-то чужой жизни. Она вспоминает брошенный в ручей сноп и под тяжестью навалившегося мужского тела вдруг решает, что завтра снова напишет домой...

Соломия приходит в красный угол не помолиться, боги ее не слышат, так думает женщина. Она приходит сюда прятаться. Когда рядом люди, Соломия чувствует на себе их тяжелые взгляды. Они жалеют ее и еще – сторонятся, будто у нее испанка или круп. Даже доньки, кровиночки ее, нет-нет да и прячут глаза.

Меня ни о чем не спрашивают, и напрасно. Я бы предупредил, дал знак! С приездом Соломии чернота в хате веретеном крутится возле нее, густеет и застывает, как холодец из наваристого бульона. И все, к чему прикасается это веретено, дает трещины.

Хата чисто побелена и выметена, а паутина невидимых расколов в каждом углу. Докия, ты спасла три года жизни дочери, но понимаешь, что отдала взамен? Нет, не понимаешь, а я знаю – эти трещины пойдут ветвиться по всей семье, затронут близких и дальних, вплетутся в их жизни и расколуют их на мелкие щепки. Много ли это за три года чьей-то жизни? Не мне судить, я всего лишь соломенный оберег, сплетенный Соломией, когда она еще умела любить.

Жизнь идет своим чередом. Невесты-яблони сбрасывают цвет, поднимаются тюльпаны на тонких ножках, следом нарядные нарциссы, благоухает сирень, распускаются лилово-желтым петушки, на полях яркие пятна красных маков, и белые – ромашки, вслед им расцветает чайная роза и жасмин. Синий клематис въется по плетню, раскрывает разноцветные колокольчики мальва, сами всюду засеялись чернобрывцы. А за плетнем – золотые шары рудбекии. Вскинутся майоры, зацветет покрова. Стойкая сальвия и рябина – до самой зимы...

Весной Соломия решает строить свою хату – между домом батька Прокопа и лесом. Она часто болеет, ее донимает кашель, да и нога после карцера не слушается, старая застуда никак не отпускает. Но Соломия привыкла жить с хворью, а уж когда хлопчет возле будущей хаты, совсем про болезнь забывает. У детей свои заботы, батьки совсем старые, но Соломии помогают кто чем может. Сбивают каркас-клетку из тонких поленьев, а между стойками и ригелями мостят деревянные колья и жерди, оплетая их хворостом, соломой, камышом, как плетут корзинки – продевая то сверху, то снизу. Когда каркас готов, мужчины рядом сыпают глину, навоз, солому, сечку, заливают водой и пускают лошадей месить раствор копытами. Сами помогают вилами. И все дружно набрасывают лопатами смесь на каркас – кто снаружи, кто изнутри. А уже только потом разглаживают руками. Соломия проходит все стеночки своей хаты и любовно гладит каждую – чтобы ровненько, без зазубрин. Чтобы красиво.

Стенки оставляют сохнуть на несколько дней, а ее, хозяйку, поднимают на руки и опускают в месиво глины и соломы. На счастье! Сколько того счастья осталось, думает Соломия, но улыбается вместе со всеми. Не часто ей теперь случается веселиться.

К концу травня у мазанки вырастает камышовая крыша, стены становятся белыми – белеными. Соломия берется за роспись, и расцветают на стенах хаты васильки и мальвы, жасмин и розы, сирень и петушки. Она выводит лепесток и плачет – знает, красота ничего не спасет в ее жизни, да и жизнь ее уже никому не нужна, но она рада, что хоть что-то смогла сохранить непоруганным, чистым – как ручей в яру, как лес, который видно из окна...

Соломия приходит ко мне – на сей раз не прятаться, прощаться. Кашель выворачивает ее наизнанку, к докторам она ехать отказывается. Ходит едва-едва, опираясь на палочку. Ни о чем не просит, знает – ее время пришло. Ей здесь больше нечего делать. Она не родит детей, не полюбит, не выйдет на поле, никого не накормит, не защитит, никому не поможет. Она построила хату, она так хотела. Но пусть в ней живет кто-то другой.

В окно бьется птица – говорят, это к беде. Но Соломия понимает – пришли за ней. Она ложится на лавку и ждет. Слышит голоса Леонтия и Герасима. Теперь это по-настоящему...

Девочки разъехались по другим селам, древние Прокоп и Докия живут на два дома. Бог им дает года, только нелегкие эти года. После смерти Соломии ко мне редко приходят. Забыли про образа, про дидуха. Оно и понятно. Сейчас посевами заправляют агрономы, а урожай собирают комбайны – к чему люду сухая солома и сухоцвет? Но я помню все и всех. Я наполнен их желаниями до краев, только кто теперь исполнит эти желания?

Невидимая паутина трещин никуда не исчезла, она отправилась вслед за Франей и Любой в новые дома в новые села, протянулась в город к титке Ирине, которая нянчила еще маленькую Соломию, осела на приемном ребенке Прокопа Павле, пробралась к титке Варваре и ее сыновьям. Семь сестер и братьев у Прокопа – всем досталось. Вот плата за три года человеческой жизни, Докия, жизни твоей дочери – это много или мало?..

Я – хлеб. Я – жизнь. Я – любовь. И я – смерть. Смерть ради чего? Спросите у древних богов, и, может, они вам ответят.

